

УДК 82.0:7.038.6

ПЕРЕСМОТР ОСНОВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПОНЯТИЯ «СМЕРТЬ АВТОРА»

А.А. МАРДАНОВ

(Полоцкий государственный университет)

Представлен обзор некоторых радикальных положений постмодернистской теории по отношению к категориям «автор» и «авторство». Исследование направлено на выявление основных заблуждений, заключающихся в возведении в абсолют обнаруженной относительности природы этих категорий, которые разделены нами на две группы: 1) имеющие отношение к власти языка (контекста, культурного опыта предшествующих поколений) над субъектом – упразднение личности; помещение всех субъектов в один контекст; невозможность оригинальности; отказ субъекта от собственного голоса в процессе письма; отрицание внетекстовых связей; 2) относящиеся к подвижности смысла – децентрация автора, отрицание его замысла, послания, имени и функции; смещение ответственности за смысл произведения с автора на читателя.

Своим возникновением презумпция «смерти автора»¹ обязана философско-эстетической переориентации в эпохе постмодернизма, в рамках которой произошли прогрессивные открытия в области языкознания, подрывающие могущество автора. Тем не менее некоторые радикальные и деструктивные позиции по отношению к авторству в постструктурализме заслуживают критики. Основные просчёты в постмодернистской теории можно разделить на две группы: 1) связанные с подчинением субъекта контексту; 2) связанные с подвижностью смысла.

К **первой группе** относятся:

а) *упразднение личности и индивидуальности субъекта* – самое большое заблуждение теоретиков постструктурализма и остальные их ключевые просчёты, так или иначе, основаны на нём. Каждый субъект представляет собой отдельный самобытный мир, об уникальности и неповторимости которого высказывались многие мыслители прошлого. «Человек есть вселенная...» [1, с. 38], уникальная в своем роде и организующая свою деятельность, включая творчество, отлично от другого человека. Само слово «автор» (от лат. *auctor*) непосредственно связано с индивидуальностью и означает творца, обладающего индивидуальным биографическим опытом и личностными характеристиками. Своеобразие личности субъекта обеспечивает синтез врождённого и приобретённого, что является самой оптимальной концепцией структуры личности: «именно уникальность личного опыта, накладывающаяся на уникальность генетическую, и создаёт неповторимую структуру человеческой психики каждого “Я”» [2, с. 141];

б) *пребывание всех субъектов в одном контексте*: пространственно-временное положение, а также неповторимые индивидуально-личностные характеристики автора являются принципом ограничения общего культурного контекста до ближайшего контекста, микромира. Элементы контекста, присутствующие в опыте одного субъекта, отличаются от элементов контекста у другого; окружающая среда, будучи воспринятой, превращается в индивидуальную окружающую среду, которая определяет характер произведений сильнее, чем удалённый контекст, являющийся вторичным в детерминации произведений. Таким образом, даже находясь в одной объективной реальности – стране, эпохе, языке, – авторы находятся в разных субъективных реальностях, и индивидуальная речь доминирует, поскольку, если в тексте и слышен голос контекста, это голос индивидуального, а не общего, контекста.

С контекстом связано ошибочное возведение его в ранг автора и субъекта, низведение субъекта до уровня объекта. Однако контекст следует рассматривать не как репрессивное образование, подавляющее всякую волю и самостоятельность субъекта, а как необходимую для существования и упразднения хаоса окружающую среду, как средство, с помощью которого он объективирует свою субъективность. Естественно, что произведение никогда не может быть внешним по отношению к контексту и тем более к записываемому его субъекту, поскольку «субъект... не бывает экстерриториальным по отношению к своему дискурсу» [3, с. 230]. Автору приходится оперировать той данностью, в которой он находится, так как он не может существовать в абсолютном вакууме, но это не означает, что все авторы оперируют ею идентично – пребывание в контексте не упраздняет личность.

Когда определённая единица информации воздействует на двух разных индивидов, она не только попадает в разные условия и, соответственно, осмысливается по-разному, но и физически воспринимается также по-разному. То есть на двух индивидов не может подействовать один и тот же раздражитель, следовательно, говорить о воздействии одного и того же контекста на одного автора в течение всего его творчества невозможно, тем более о воздействии одного контекста на двух разных авторов. Каждый живёт в своём собственном представлении, мифе о контексте, поэтому опыт, поведение и, соответственно, творчество

¹ Введена Р. Бартом в сочинении «Смерть автора» в 1968 году.

каждого индивида уникально. Таким образом, некий стабильный контекст проходит через безликое сознание субъекта-скриптора, как это подразумевали постструктуралисты, а постоянно изменяющийся и никогда не стабильный контекст проходит через уникальное, неповторимое, претерпевающее постоянное изменение сознание автора. Сам контекст, которому постмодернисты отводили роль «бога-вокруг», является избирательным и избирается непосредственно сознанием автора, его жизненным опытом, индивидуально-личностными характеристиками, поскольку не только контекст уже существует в готовом виде, но и сам автор как личность с уникальным опытом уже существует как целостность, соответственно, новаторство обеспечено и гарантировано изначально индивидуально-личностной уникальностью автора.

В произведении, в терминах Д. Лихачева, присутствует «слой активного воздействия на читателя», то есть сознательные утверждения, и «пассивный слой», который он определял как мировоззренческий фон, появляющийся в произведении непроизвольно. Тем не менее голос контекста не достаточен, чтобы подавить или стереть голос автора. Индивидуальная речь доминирует, так как абсолютно «прямой» передачи быть не может, поскольку всё, что мыслится, является результатом рефлексии. Таким образом, в результате того, что между автором и читателем находится язык, читатель получает доступ не к самому обществу, «отдалённому» или «пассивному» контексту, в рамках которого возникло произведение, а к его фиктивному, метафорическому, индивидуально-авторскому отражению. Следовательно, доминирует личность, индивидуальный миф, субъективная версия объективной реальности, поскольку автор копирует в произведение «...не мир, не сам факт о нём, а своё ощущение его» [4, с. 246 – 247]²;

в) *невозможность уникальности (оригинальности) произведения*: понятие интертекстуальности не упраздняет оригинальность, а предоставляет её новое качество. Невозможно отрицать существование новаторских потенций, инновационного характера произведения, даже принимая во внимание всеключённость текстов и неизбежность цитирования. Вопреки представлениям постмодернистов о «чистой доске» и полной опосредованности текста произведения внешними по отношению к автору факторами (контекстом, нормами поэтики), именно личность автора является главенствующим принципом, организующим произведение. Ввиду уникальной позиции во времени и пространстве, своеобразного восприятия опыта предшествующих поколений и уникальности манеры выражения воспринятого, зависящих от индивидуальных свойств, личность автора и его опыт являются источником своеобразия текста произведения. Учитывая, что одинаковых людей нет, автор оригинален, просто оставаясь самим собой, демонстрируя то, что в нём заложено. Как бы субъект ни писал – это и есть проявление его субъективности. Следовательно, оригинальность является онтологической особенностью творчества, его неотъемлемым качеством. Оно принципиально содержит элемент новизны: «специфическими свойствами творческого процесса, ...и личности является их оригинальность» [5, с. 124]. Оригинальность произведения вытекает из неповторимости личности;

г) *творчество – отказ от собственного голоса*: из-за невозможности создать неэмпирический текст, нельзя произвести какую-либо творческую деятельность, которая не была бы опосредована личностными характеристиками её автора, в чём и заключается его ценность. Автор создаёт живые образы, придавая им свои черты, наделяя их своими способностями, раздавая им частицы своей индивидуальности и биографии. Речь является портретом личности пишущего. Ещё Б. Джонсон писал: «...говорите, чтобы я мог рассмотреть вас. [...] ...Речь обнаруживает человека» [6, с. 188]. Литературное произведение – это порождение биографической личности, поэтому оно неразрывно связано с опытом и внутренними характеристиками индивида; это продолжение человека, нечто вырастающее из него и, соответственно, имеющее идентичные характеристики, ту же сущность, то же содержание.

Одним из основных элементов текста, отражающих индивидуальность автора, является стиль. Уникальный стиль формируется под длительным влиянием окружающей среды на врождённые данные индивида. Автор не изобретает, а исполняет присущий ему стиль, поэтому, стилю невозможно научить и его невозможно перенять, равно как нельзя передать кому-либо свою индивидуальность, можно только создавать своё, поскольку уникальность стиля основана «...на индивидуальном складе личности» [7, с. 281]. Стиль является «...таким же отличным, как подпись, таким же индивидуальным, как отпечаток пальца» [8, с. 19]. Стиль – величина относительно постоянная, так как он связан с авторским художественно-эстетическим постоянством. Творчество, следовательно, – выражение авторской индивидуальности;

д) *отрицание связи произведения с биографией автора*: А. Беннет говорил, что «произведение художественной литературы всегда ...автобиографично...» [9, с. 251]. Именно рефлексия над биографией, событиями, мыслями, страданиями, переживаниями, страхами, имевшими место в жизни автора, создают материал для его творчества, что является источником оригинальности произведения, так как не бывает двух идентичных биографий: «золотой запас писателя – это запас его мыслей и наблюдений над жизнью. Иными словами, это его биография» [10, с. 156]. Жизненный опыт индивида формирует сферу его интересов как автора художественных произведений. Вышеперечисленные условия жизни автора влияют на содержание, кон-

² Здесь и далее, при отсутствии отсылок к изданиям на русском языке, перевод мой – А. М.

фликт, окружение, действия персонажей, диапазон тем – пожалуй, самый главный фактор, отличающий одного автора от другого, – а также определённый словарь, с помощью которого можно «... безошибочно... расшифровать авторство любого писателя» [11, с. 304]. Литературно-критический метод Ш.-О. Сент-Бёва заключался в рассмотрении произведения как отпечатка автора, который присутствует в своём тексте на всех его уровнях и обнаруживает себя даже против своей воли. Следовательно, как бы постструктуралисты ни старались отделить произведение от его автора, при его анализе, как сказал М. Бахтин, «...мы в конечном счёте всегда придём к человеческому голосу, так сказать, упрёмся в человека...» [12, с. 187];

Ко **второй группе** относятся:

а) *децентрация автора*, отрицание его семантического автора из-за «открытия» смысла произведения, «изгнание» автора из текста произведения, отрицание внетекстовых связей: открытия в области рецептивной эстетики не упраздняют авторство, а лишь в некоторой степени ослабляют семантический авторитет писателя и смещают акцент на читателя. Несмотря на подвижность смысла, в сознании воспринимających субъектов существуют, тем не менее, такие относительно стабильные, очевидные смыслы, входящие в художественный замысел автора, которые будут поняты большинством читателей почти одинаково, невзирая на различия читателей и условия прочтения, так как «смысл, вложенный в произведение автором, есть величина принципиально постоянная» [13, с. 114]. Постмодернисты были правы, объявив абсурдной фразу «читатель не понял произведение», но они заблуждались, когда стали отрицать замысел автора, послание, общую структурирующую идею, объединяющую произведение с другими текстами автора, дополняющими его смысл.

Как бы критики ни пытались удалить автора из его произведения, он всегда будет присутствовать в тексте. По мнению В. Хализева, «автор... никакими интеллектуальными ухищрениями не может быть устранён из произведений и их текстов» [13, с. 67]. Личность автора является принципом, обеспечивающим некую стабильную идеологическую, смысловую, тематическую целостность, независимо от вариантов «исполнения» произведения, так как под автором понимается носитель концепции, центрирующий смысл произведения. Личность автора, его идеи, другие тексты, обладают семантической ценностью, являются принципом объединения его структур, фокусировки его смыслов, дополнительным источником информации, а иногда и единственным ключом к расшифровке некоторых эпизодов произведения. Понимание авторского замысла играет большую роль в направлении смыслопорождающих практик читателя. Этому способствует образ автора, управляющий читательской реакцией, структурирующий произведение, являющийся принципом его единства, обеспечивающий восприятие его как однородного повествования, каким бы разнородным оно ни было. Образ автора – это, по мнению В. Виноградова, «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур... и... являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [14, с. 118];

б) *пренебрежение категорией «имя автора»*: имя автора, обладая дискурсивно-текстологическими характеристиками, связывая произведения с другими произведениями, философскими воззрениями, диапазоном тем, мотивов и идей автора, ограничивает размножение значений, фокусирует их, индивидуализирует и объединяет авторские тексты и отделяет их от текстов других авторов, закрепляет за ним хозяина, определяет отношения между текстами и их взаимное семантическое влияние, устанавливает их хронологическую последовательность. Имя автора – знак качества, относящийся не к самой биографической личности, а к текстам, определяющий место в дискурсе не индивида, а его текстов;

в) *отрицание функции автора и смещение ответственности за произведение на читателя*: художественное творчество, вопреки предположениям постструктуралистов, является волевым актом. Автор, по словам М. Фуко, руководит читателем, его функция первична и заключается в сознательном отборе или исключении фрагментов контекста, подборе знаков, кодов, цитат, с которыми будет иметь дело читатель. Как контекст предлагает автору тексты для его произведения, обуславливает его доступ к тем или иным текстам в зависимости от эпохи и культуры. Так автор предлагает читателю текст, который последний должен осмыслить. Именно от автора зависит то, что интерпретирует читатель, роль которого вторична. Несмотря на самостоятельность читателя и его активную позицию в процессе восприятия произведения и его смыслопорождения, он должен позволить писателю «вести» себя, должен принять авторскую субъективность, постичь его личность, чтобы глубже проникнуть в его идею, замысел и лучше понять саму причину написания текста, цель, которую преследовал автор и его замысел, раскрытие которого также должно входить в интерпретацию произведения. Восприятие произведения, следовательно, в какой-то степени равно восприятию самого автора [15, с. 370].

Заключение. В опровержение основных просчётов постмодернистской критики, следует отметить:

- 1) субъект – личность, уникальность которой составляет синтез врождённого и приобретённого;
- 2) контекст – инструмент и материал автора-личности, следовательно, его следует рассматривать не как репрессивную среду, а как необходимую языковую данность. Соответственно, функция создателя произведения должна быть возвращена автору;
- 3) единый общий контекст для нескольких субъектов не существует;

- 4) творчество является отражением индивидуальности и оригинально по своей сущности; индивидуальное преобладает над общим; содержание и стиль опосредованы биографической личностью автора;
- 5) комплекс произведений создаёт образ автора, узнаваемую эмоциональную, идейную, эстетическую, культурологическую и философскую атмосферу, специфический диапазон тем;
- 6) внетекстовые связи, относящиеся к личности автора, служат дополнительным, а иногда и существенным источником смысла. Имя автора объединяет его тексты в один философско-эстетический комплекс;
- 7) авторский замысел – существенный семантический компонент текста;
- 8) роль читателя при «исполнении» произведения второстепенна роли автора, поскольку функции последнего более значимы для произведения.

Презумпция «смерти автора», отвергающая ориентации традиционного литературоведения, является несостоятельной из-за своей радикальности. Это – гиперболизация существенных открытий в области языка, которые на самом деле указывают на некоторую относительность авторства и меняют его качество, но не отменяют его абсолютно. Теоретики постмодернизма перешли от одной крайности – традиционного литературоведения, в котором автор обладал абсолютным авторитетом, – к полярной крайности постмодернизма, в котором автора лишили даже самостоятельного существования. Крайностью постмодернизма является тяготение ко второму элементу в оппозиции «относительное – абсолютное». Его теоретики, все обнаруженные случаи относительной природы чего-либо (оригинальности, сознательного выбора, зависимости от контекста), возвели в абсолют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полонский, В.П. О литературе / В.П. Полонский. – М.: Советский писатель, 1988. – 496 с.
2. Бахур, В.Г. Это неповторимое «Я» / В.Г. Бахур. – М.: Знание, 1986. – 192 с.
3. Вейман, Р. «Новая критика» и развитие буржуазного литературоведения. История и критика новейших методов интерпретации / Р. Вейман. – М.: Прогресс, 1965. – 428 с.
4. Fowler, A. A History of English Literature / A. Fowler. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1991. – 409 с.
5. Трошина, К.А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии / К.А. Трошина // Вопросы психологии. – М., 1998. – № 7. – С. 1 – 160.
6. Литературные манифесты западноевропейских классицистов / под ред. Н.П. Козловой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 624 с.
7. Теория литературы. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – Т. IV: Литературный процесс. – 624 с.
8. Bloom, L.Z. The Lexington Reader / L.Z. Bloom. – Lexington, Massachusetts: D.C. Heath and Company, 1987. – 828 p.
9. Писатели Англии о литературе. XIX – XX вв.: сб. ст. / под ред. О.Н. Черкасовой. – М.: Прогресс, 1981. – 416 с.
10. О писательском труде. Сб. статей и выступлений советских писателей / под ред. Н. Ждановского. – М.: Советский писатель, 1953. – 372 с.
11. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
12. Бахтин, М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
13. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 1999. – 398 с.
14. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.
15. Воронский, А.К. Искусство видеть мир: Статьи, портреты / А.К. Воронский. – М.: Советский писатель, 1987. – 704 с.

Поступила 24.02.2010

A REVISION OF SOME OF THE FUNDAMENTAL CONSTITUENTS OF THE NOTION “THE DEATH OF THE AUTHOR”

A. MARDANOV

The article is a critical revision of the most radical postmodernist theory presumptions against the categories of “author” and “authorship” and is aimed at exposing the major fallacies consisting in rendering absolute the discovered relative nature of the associated notions. They are arranged here in two parts: a) those that deal with the power of the language over the subject – the abolition of personality; the placement of all subjects into one context; the impossibility of originality; the renunciation of the subject’s voice in the process of writing; the negation of extratextual connections – and b) those that deal with the instability of meaning – the negation of the author’s message, name and function; decentralization; the shifting of the meaning generating authority onto the reader. The criticism is carried out by resorting to traditional literary studies.